

Елена
КУШНИР

A person with long dark hair is seen from behind, wearing a crown of various flowers including white daisies, yellow flowers, and purple flowers. They are standing on a sandy beach with the ocean and a cloudy sky in the background. The person is wearing a dark blue or black long-sleeved top.

**МОРЕ
ВНУТРИ**

Елена Кушнир

Море внутри

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Кушнир Е.

Море внутри / Е. Кушнир — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Любовь и ненависть, жизнь и смерть волшебницы Морганы.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Что-то шевелится во мне, как в то далекое время, оно говорит «нет» веселью этих людей, оно говорит «нет» счастью...

Жан Ануй. Медея

Маленькая девочка сидит на лесной поляне, поджав ноги и утопая в горячем зелено-золотом дыхании лета.

Лес многоголос. В глубине чащи хрустят под звериными лапами сучья. Птицы выводят хмельные трели, над цветами жужжит выводок пчел, над поросшей ряской глубокой лужей пищат комары. Длинные настороженные кроличьи уши колыхают траву, поднимаясь там и сям, как гордые воинские знамена. Неподалеку притаился караулящий лис, шуршащий листьями кустов. Струйки родника звенят россыпью колокольчиков.

Другие дети, очутившись в лесу, наблюдали бы за животными, искали бы землянику и птичьи яйца, а утомившись, развалились бы на спине, пожевывая травинки и щурясь на огромное желтое яблоко в синеве над деревьями, и в их головах текли бы прямые, спокойные, никуда не сворачивающие, дремотные летние мысли.

Но девочка не похожа на прочих детей.

Ее мысли сплетаются в причудливые узоры и завязываются в крепкие узлы, а через миг разлетаются на обломки, похожие на мелкие камешки, летящие в пропасть с горы, на каменный водопад, колотящийся о своды черепа с неистовой силой. Она не слушает птиц, не глядит на животных и не грезит под солнцем. Она выискивает то, чего не могут увидеть другие.

За кромкой поляны, в зарослях высоких кустов, мелькает тень.

Не зверь, не насекомое, не птица, не человек.

Существо.

Девочка ждет, когда оно снова проглянет сквозь густую завесу листвы.

Существо притягивает ее и пугает, ноги хотят от него бежать, в животе все сжимается, и лишь мысли, тот самый водопад, требуют не трусить, не дрожать, но остаться и непременно выяснить, что это такое...

– А-а-а! – голосит она во всю мощь юных легких, когда кусты раздвигаются, будто полог шатра, и клубок дыхания вырывается на поляну, горький, холодный. – О-о-о!

Ноги, не дожидаясь, пока она примет решение, подскакивают на земле, припускают прочь с поляны и несутся дальше, выколачивая облачка пыли из проторенной дорожки, ведущей к замку, топ-топ-топ-топ...

Путаясь в подоле длинного платья, она устремляется за понесшими скакунами своих стоп, ей страшно и весело, и горький привкус на языке, и холодное зеленое дыхание, оставшееся на коже.

Девочка призывает мать, хотя и знает, что та не придет – она рожает сейчас и мечется, корчась от боли на окровавленных сбившихся простынях. Дочери надлежит быть неподалеку, но уж такой она уродилась, вечно делает не то, что следует, ей часто об этом говорят и в этот раз, она уверена, скажут тоже.

Так и выходит.

– Тебя где носило? – накидывается на нее высокий коренастый мужчина, которого ей приказано звать отцом. – Мать, может, помирает, а эта знай себе играет! Сердце-то у тебя есть?

От него пахнет сладким вином, кислым потом, грохочущим, как железо, мужским волнением и злостью.

– Матушка не больна, а только рожает, – отвечает запыхавшаяся девочка рассудительным тоном, словно разговаривает с кем-то младше себя.

– «Только»! – передразнивает мужчина. Его можно было бы счесть красивым, если бы не вьевшаяся в черты суровость, шрам на левом веке, испортивший глаз, и косматая рыжая

борода, которую он не пострижет, пока жена не попросит: – Ты, соплячка, в родовых муках пока не лежала.

– Зато матушка лежала, если вы не заметили, – следует дерзкий ответ. – И она все еще жива, отец.

Не стоило так говорить. Рыжий медведь, напившись для храбрости, топчется без толку огромными ножищами перед запертым входом в покои, откуда доносятся истошные крики. Вся его жизнь сузилась до чужой боли за дверью и ужаса, ходящего в голове кругами: «Ну, как помрут оба, и мать, и младенчик? Что тогда делать? Снова жениться? Наследник нужен... Ну как помрут оба?..»

Все это читает девочка в пьяной мути здорового глаза, в дергающемся шраме на испорченном глазу, в сжимающихся до скрипа кулаках, в которых он давит свое бессилье. Пожалеть бы его, да она никогда не пожалеет.

– Ты как со мной разговариваешь? – рычит медведь. – Много тебе воли дают! Иди сюда, я тебя живо почтению научу.

И норовит схватить, растопырив лапы.

Сильно не побьет, но оплеух надавать может. Грубиян, скот и убийца. Все они такие, и родной отец девочки был такой же, но медведь – чужой и убийца настоящего отца, этого она никогда не забудет, и он не забывает, иначе обращался бы с нею ласковой.

Оплеух не хочется, значит надо бежать, прятаться в замке и ждать, пока мать не разродится, новоявленный папаша тотчас о падчерице думать забудет.

Однако бежать не приходится.

На одну из поросших рыжей шерстью ручищ, где не хватает половины среднего пальца, вдруг ложится ладонь – с виду куда слабее рыжей лапы, но с легкостью останавливающая замах.

– Как не совестно бить ребенка? – говорит человек, которого мгновение назад еще не было, и укоризненно качает головой. – А еще король!

Выглядит появившийся незнакомец чудно: коричневое верхнее одеяние вроде мантии с узкими рукавами, черные штаны и плотная рубаха, надетая поверх другой белой рубахи. На шее болтается узкая тряпка. Тупоносые башмаки из блестящей черной кожи, с тонкими завязками. Бритая голова и безбородое, как у юноши, красивое смуглое лицо. То ли монах, то ли друид, то ли шут иль сарацин, не разобрать.

– Отстань! – сердится медведь. – Без твоих поучений обойдусь, колдун. Жене моей лучше помощи. Сделай что-нибудь из своих штук. Слышь, она, бедная, как надрывается!

– «Штук» я не делаю, – холодно отвечает тот. – А роды процесс естественный, в тонкости человеческой физиологии мне вмешиваться негоже.

– Толку-то от тебя с твоим пустозвонством! – плюется медведь прямо на каменный пол, усыпанный сухим тростником.

– Ну-ну, – усмехается человек, приподняв бровь. – И, впрямь, какой от меня был толк, твое величество? Лишь корона да жена...

Медведь косится на него недовольно, протяжно вздыхает и оседает на деревянную скамью, будто ноги не держат.

– Извини, в гневе забылся. За жену страшусь. Люблю ее пуще жизни, ты знаешь.

Человек, оттаяв, хлопает его по великанскому плечу.

– Не страшись, все окончится благополучно.

Девочка решается заговорить:

– А вам, сэр, это ведомо наверное?

– О, да-да-да, – рассеянно отвечает странный незнакомец. – Свершится то, что предсказано, в мир явится то, что обещано, и воцарится то, что истинно. В общем, все будут довольны. Когда я говорю «все», то имею в виду...

– Я спрашивала о своей матушке, – перебивает она. – Ну и об этом, – девочка небрежно указывает кивком на дверь, – кто родится.

– Я и сказал о нем! О твоём брате, дитя.

Сияя блаженной улыбкой, чудной человек принимается бормотать, нанизывая слова плотно-плотно, гладко, близко, нараспев:

– Ты – война, а он – мир, ты – море, а он – небо, ты – ненависть, а он – прощение, ты – прошлое...

– О брате? – Встрепенувшийся медведь вскакивает со скамьи. – Неужто мальчик?!

– Отчего это я – ненависть? – обиженно встревает девочка. – Что я плохого кому сделала?

– Значит, хвала Господу, наследник родится?

– И почему это я – прошлое? Я не прошла, – топает она маленькой ножкой. – Вот я тут стою!

– Заткнись, девчонка, – скалится медведь. – Дай о деле узнать!

– А у меня своих дел быть не может?

– Дура, твоё дело – за прялкой сидеть!

Спорят, кричат, глядь – а человека в диковинном одеянии уже нет. И куда делся, непонятно, и был ли вообще, неизвестно, и застывают оба, глупо приоткрыв рты.

– Мерлин! – орет король на пустой воздух. – Ты куда делся, сарацинский черт?! Вернись немедленно, я тебе приказываю! Вернись, не то шкуру спущу!

И тут дверь наконец распахивается, и выходит крик, поначалу – возмущенный, сердитый, мол, зачем это все, я о таком не просил, мне и раньше хорошо было, но вскоре меняется на другой, исполненный силы и торжества: «Я теперь здесь!»

Медведь радостно бурчит, женщина на постели слабо улыбается, служанки носятся с тазами, полотенцами и уставшим видом благородных матрон. Крови в комнате – как будто кого-то убили, но это всегда легко перепутать.

Девочке показывают сверток с опухшими щелками глаз, плоским носом и щеками, надутыми на весь мир. Лягушачий рот. Слипшийся пушок на голове.

«Фу, какой урод, – думает Моргана, разглядывая своего новорожденного брата Артура с безразличным интересом, – красный червяк в свивальниках».

И почему-то плачет.

Они разные.

В глазах Морганы, дочери покойного герцога Корнуолла, разлито море, переменчивое, опасное, без дна, а имя ее глубоко, таинственно и сложно; в нем заключена и тяжкая поступь волн, и тяжкая поступь смерти.

Артур – медвежонок, сын коронованного медведя, и его взгляд – словно летнее небо: столько полуденной безмятежности и безоблачной голубизны, что не вычерпать, как ни старайся.

– Это потому, что он дурак, сын дурака, – решает девочка, и эта незатейливая мысль для нее утешительна.

Артур пошел в короля Утера: рыжий, крепенький, словно выточенный из дерева. Солнце метит его горстями веснушек, выцветающих осенью и возвращающихся по весне. Детская пухлость, складочки-ямочки и небесные глазки делают его таким милостивым, что все женщины в замке, от судомойки до герцогини, при его виде лепечут, точно простофили на ярмарках, которым показывают ящериц, выдавая их за саламандр:

– Кто это у нас такой пригожий? Кто это у нас матушке надежда, а батюшке отрада? Ах-ах, вылитый ангелок!

Моргана презрительно фыркает, осознавая свое превосходство над сентиментально квохчущими клушами.

У нее самой – масть покойного герцога: угольные локоны и кожа цвета зимы, она тоненькая, как игла, и ощущает в своих костях стальную остроту, способную проткнуть реальность насквозь.

Никто не объяснял ей «реальность», она откуда-то знает это слово сама. Или колдун Мерлин обронил однажды в ее карман вместе с «сентиментальным». Он любит такие словечки, которые приносит из своих странствий, как другие везут заморские пряности, богатые ткани, вшей или дурные болезни.

– Что ты привез мне в подарок? – спрашивает Моргана. Обычно волшебник только смеется в ответ и лохматит ее угольные косы, но иногда дарит ей слово, объясняя или не объясняя его смысл, это уж как ему заблагорассудится.

Она хранит слова в шкатулке своей памяти и перебирает, как драгоценности, любуясь их звучанием и гадая о значении: «реальность», «гравитация», «эсхатология», «попкорн», «абсурд».

– Абсурд, – хихикает она, непонятные звуки звучат щекотно. – Абсурд, абсурд!

Мерлин – безумец, но знает удивительные вещи: как течет время и устроена земля, может, знает, зачем нужны на ней люди и что им надлежит делать на свете. Его магия рождается от земли, воды, воздуха и огня, она не обуздана ничем, кроме его воли, и ему ведомо будущее, хотя он и не может его менять.

Моргане хочется изловить его, заключить в ловушку и пытаться, пока не выведает все его секреты. Но об этом можно только мечтать, ведь с колдуном никому не справиться. Впрочем, иногда она хочет не терзать, а выйти за него замуж, когда подрастет.

– Нет, деточка, – сказала королева Игрейна, чья красота после вторых родов распустилась пышнее цветов шиповника в разгар лета. – Тебе нужен настоящий муж, человек из плоти и крови.

– А Мерлин из чего сделан? – удивилась Моргана.

Сколько раз он дотрагивался до ее волос, и она чувствовала его руку – обычную, по-человечески теплую, гладкую ладонь книжника или барда, а не заскорузлую корягу, как у мечника. Меча он никогда не носил, ведь убивал не простым оружием. Был он молод на лицо и стар глазами, и никто точно не ведал, сколько же волшебнику лет – сотня, тысяча или еще больше.

– Кто же знает, из чего он сделан? – рассмеялась королева. – Из испарений торфяных болот, из морской пены, из нитей таволги, из снов?

Так ли это на самом деле, и действительно ли Мерлин не совсем человек, Моргане неизвестно. Но это не пугает ее, ведь она и сама ближе к существам, чем к людям, с их грубой мясистой плотностью и простыми желаниями, чьи пределы очертили еще далекие пращуры, жившие в пещерах и молившиеся зверям, которых сменили духи и боги, а нынче – единый Бог, страдающий на кресте.

Этот новый распятый Бог столь могуществен, что сила стихий тает в мире, и вскоре ее не останется вовсе. Но Моргана уверена, что на нее одну еще хватит, и сделается она великой волшебницей, у которой не будет соперников, ибо Мерлин однажды заплутает на витке времени, куда отправится побродить, и уже не вернется обратно.

– Я стану колдуньей сильнее него и подчиню себе будущее, – мечтает девочка, прокрадываясь вдоль частокола, окружающего замок, к секретной щели, сквозь которую протискивается наружу, чтобы убежать на заветную лесную поляну.

Там она ищет растения, с которых начинается магия: целебные, что заживляют раны и унимают боль, ядовитые, что отравляют кровь и отнимают жизнь, самые разнообразные – нагоняющие сон, прерывающие беременность, умножающие мужскую силу.

В лесном королевстве она чувствует себя как дома, много лучше, чем в каменных сводах замка, выстроенного злодеем Утером на прахе прежнего хозяина.

На лесном островке ей всегда хорошо, весело и страшно. Там спрятаны летом – под травяным ковром, а зимой – под снежным покровом выжженные пламенем дракона древние руны – незаживающие шрамы на шкуре земли. Там встречает Моргана тень, не принадлежащую ни человеку, ни зверю, ни птице.

Тень принадлежит лишь самой себе, она и есть в мире, и нет ее.

Много раз видела Моргана существо с зеленым дыханием, горьким и холодным. Научилась не бегать от него без оглядки и немного понимать его речь.

Надышавшись его зеленым духом, она становится, как пьяная или безумная, и к ней приходят ужасные сны. Мертвые разоренные земли, над которыми стоит глухой серый туман и раздаются горестные стоны. Скелеты деревьев, на которых растут гнилые плоды – разлагающиеся тела, исклеванные вороньем. Огромное поле, на которое льется багровая кровь заката, расплескиваясь на грязных лицах и начищенных до зеркального блеска рыцарских латах, рыцари, рыцари, воины лежат в обнимку, соединенные навеки ударами копий и мечей, которыми они пронзили друг друга...

Моргана поначалу грустит о павших в бою, но тень шепчет, что люди быстротечны, их срок на земле короток, так что не о чем и жалеть.

Пухлая розовая ручка цепляется за край юбки.

Лепет и возня.

– Оставь меня в покое! – раздраженно велит Моргана. – Ступай к нянькам, ступай к матери, ступай к отцу! Ты мне мешаешь.

Но мальчишка ужасно упрям. Ухватившись за ее подол, не желает отпускать и тащится за нею по серым плитам, вымостившим замковый двор.

– Собой! – требует он. – Собой!

Это означает: «Возьми меня с собой, куда ты идешь». Моргана отлично распознает младенческий язык брата, куда лучше няnek, матери и тем паче Утера. Коронованный медведь безнадежно глуп и вовсе не понимает никаких звуков, кроме звона мечей и винного бульканья.

«А еще король!» – посмеивался над ним Мерлин. Хотя чего смеялся? Только такой человек и может стать королем, другому бы не покорились ни земля, ни люди, которых следует держать в узде, душить в мощном кулаке, укрепленном латной перчаткой. Как ни ненавидит Моргана убийцу своего отца, она не может не признать, что Утер хороший король, сквозь которого говорят Сила, сокрушающая кости, и Жестокость, необходимая правителю.

Тем страннее видеть, что ее единокровный брат – плоть от плоти Утера – не слишком-то на него похож.

Мальчишка улыбается всем подряд, ласкает животных и, едва встав на ноги, успел спасти от утопления приговоренных котят, набросившись на слугу, который нес корзину с жалобно пищавшим выводком. Налетел со всей силой и яростью младенца, молотя кулачками:

– Пусти, пусти!!!

И никто не мог унять наследника Утера, пока корзину не отнесли в его горницу. Теперь кошачий выводок подрос и, словно в благодарность за спасение, переловил всех замковых крыс, сэp сенешаль утверждает, что ни одной не осталось, просто диво.

«Упрямство в нем от отца», – думает Моргана, жадно ища сходства и поводы для ненависти к брату.

Артур – плод гнусного обмана, почти бастард, зачатый с помощью магии, хитрости и коварства.

Утер возжелал чужую жену и решил овладеть ею, пока муж дамы был еще жив. Одолеваемый животной похотью, он проник к ней под чужой личиной, наведенной чарами Мерлина. Колдуна Моргана тоже за это ненавидит.

Ненавидит, но ластится, греясь от касания его гладких рук. Ластится, но мечтает выпытать секреты, выпотрошить его мудрость, как звериную тушу, овладеть его волшебством и, громко хохоча, бросить его – пустого, бессильного и никому не нужного. Бросить, но выйти за него замуж, ибо Мерлин красив странной красотой, и высок, и статен, и в его темных глазах мудрость всего мира, а на смуглой коже оседает звездная пыль, лунный свет и запахи других времен.

Как это все уживается в ней одной – Моргана сама не знает. Даже мать она и любит, и презирает за то, что позволила обмануть себя колдовством, отдалась Утеру, вышла за него замуж и родила этого улыбочивого мальчишку, которому однажды достанется корона и власть, чтобы давить людей в кулаке, крушить непокорство железом и жечь земли врагов огнем.

Вот он вцепился в нее и не отпускает, хватаясь крошечными пальцами, в которых больше силы, чем у обычного ребенка. Должно быть, оттого, что Артур – наколдованный.

Моргана без церемоний отпихнула бы его ногой, как щенка, но во дворе слишком много людей: увидят и доложат, а ей потом выслушивай попреки.

– Ладно, если хочешь, иди со мной, – угрюмо говорит она. – Но нести на себе не стану, и не надейся. Понял меня?

Мальш довольно кивает и семенит за нею.

– Шевелись! – подгоняет она брата, упиваясь своей властью, и он слушается.

Дитя его возраста не может идти так быстро, но Артур ее нагоняет. И впрямь, не совсем обычный мальчишка. Не отстанет по дороге.

«Может, зеленое дыхание его заберет? – приходит ей в голову темная и сладкая мысль. – Съест его и костей не оставит. Матушка будет горевать, но и Утер будет, он так привязан к своему отпрыску, это разобьет ему сердце...»

От страшной сладости этой мысли вихряются губы, и Моргана, улыбнувшись брату, берет его за руку и видит, как это делает его счастливым, как он доверчиво хватается за ее ладонь, как искрится летнее небо в широко распахнутых глазах, не знающих ничего, кроме полуденной чистоты...

Что-то колет в ее груди, что-то стягивает ее горло.

Слабость...

Нельзя.

– Чего ты в меня вцепился? – шипит она, стряхивая детскую ручку, хотя сама ее подхватила. – Известно ли тебе, безмозглое существо, что ты мне не настоящий брат, а всего лишь наполовину?

Мальчик глядит на нее растерянно.

– Брат, – лепечет он, – настоящий...

– Ненастоящий! Только единокровный. Так и знай! И никогда не забывай.

Но что он может понять? Только твердит, едва ли понимая значение слов, со своей умиляющей ласковостью:

– Брат, кровный...

– Единокровный! – Она едва не сплевывает в дорожную пыль от злости. – Повтори!

Он пытается, сражаясь с длинным словом, и тут спотыкается о корягу. Неловко падает в растущую на обочине траву, по-птичьи раскинув руки.

Она ждет, что сейчас он скорчится, разревется, побуреет и станет противным, чтобы его было легче ненавидеть. Но Артур не плачет, а пробует подняться, и Моргана замечает, что его маленькое тельце – легкое, а земля чуть подталкивает его, чтобы он встал на ноги, будто заботится об этом ребенке.

– Что за волшебство? – дивится Моргана, но решает, что ей померещилось. С чего бы земля стала думать о человеческом детеныше?

Но если и не померещилось, неважно. Скоро они придут туда, где царит другое волшебство, где ворожат тени, рожденные от темноты и света, словно от скрещенных черного и белого мечей. И может быть, если повезет, эти тени Артура съедят.

Но сколько ни бродят они по местам, которые Моргана давно выучила наизусть, не может она отыскать заветной полянки. Прошла между одними деревьями, между другими. Видела знакомые заросли боярышника, усыпанные душистыми белыми звездочками. Видела почерневшую поваленную сосну, несколько лет назад сбитую на землю бурей. Шла на запах синеватой прохлады в ельнике. На хриплый голос ветра в крепкой кожистой листве старого дуба. На призывы птиц и низкий пчелиный гул.

– Пришли? – нетерпеливо спрашивает мальчик, устав от ходьбы. – Пришли?

Нигде нет колдовской поляны, как сквозь землю провалилась или укрылась незримой завесой.

– Это ты виноват! – ярится Моргана, наскაკивая на брата. – Из-за тебя она прячется. И зачем я позволила тебе со мною пойти?

Мальчик хлопает невинными ресницами, не понимая, почему на него сердятся.

– Виноват, что позволила, – выговаривает он по частям и норовит снова ухватиться за подол ее платья.

И такой ее вдруг одолевает гнев, что она замахивается и сбивает его с ног сильным ударом по плечу.

Что ж, она желала рыданий, она их получила.

Шлепнувшись оземь, малыш заливается слезами, краснея так, что сейчас дым из ушей повалит, трет мокрое личико кулаком, совсем маленький, жалкий, беспомощный... И опять что-то колет в ее груди, и в горле ком.

– Прости меня, братец! – Моргана сама почти плачет. – Ты ни в чем не виноват. Я не на тебя злилась, а на зачарованное место, которое куда-то пропало.

Отыскав платок, утирает ему слезы, заставляет высморкаться и осторожно поднимает.

Артур успокаивается, переставая плакать. Смотрит на нее печально, но без подозрения или страха. Два куска полуденного неба на раскрасневшемся детском лице.

«Что ты такое? – думает она о брате, так не похожем своей незлобностью на нее саму, на короля Утера, на его свирепых воинов, на хищный лязг железа, которым пахнет время в их королевстве. – Что ты означаешь?»

Артур улыбается своей ясной улыбкой и протягивает маленькую руку ладонью вверх. Не пытается ухватиться за старшую сестру, а словно предлагает ей что-то. Будто это он – взрослый.

А потом произносит, мягко и негромко, так, что имя тонет в шелесте листьев, в шепоте трав, в птичьем гомоне и странных звуках, идущих откуда-то из самых глубин, где переплетаются корни земли, на которых держится мировая плоскость:

– Моргана.

И девочка слышит: «море», а не «смерть».

– *Benedicite, omnia opera Domini, Domino;
laudate et superehaltate eum in saecula...*¹

Святой водой уже окропили, крестное знамение у подножия алтаря сотворено, обряд покаяния совершен, коленям жестко и неудобно на холодном полу. Тьфу.

А все Мерлин виноват.

Опять проклятый колдун испортил ее жизнь! Придушила бы за это, глаза бы ему выдрала и растоптала бы по земле.

¹ *Benedicite Dominum* («Благословите Господа») – католическая молитва во время литургии в воскресные и праздничные дни.

– *Benedicite, caeli, Domino,
benedicite, angeli Domini, Domino...*

В тот самый день, когда они с братцем возвращались из леса, в тот самый день, когда потерялась чудесная поляна с зеленой тенью, в тот самый день, когда она в гневе толкнула Артура и мальчишка разжалобил ее сердце, растопил его, словно кусок сыра, оставленный на солнце, заставил позабыть о ненависти к нему...

Они шли неспешно вдвоем сквозь уплотнившиеся сумерки по дороге к замку, взявшись за руки, и она ощущала мягкую-мягкую детскую кожу, слушала младенческий щебет и чувствовала, как все тише шумят в ней гневливые волны...

Тогда-то несчастье и приключилось.

Волшебнику взбрело в его взбалмошную голову их посетить. И принять решение об их будущей судьбе – ее и Артура.

Если бы не это, жила бы Моргана сейчас дома, а не за морем в монастыре, среди безликих серых мышек-монахинь, в душных серых стенах обители, где она тупеет с каждым серым днем. Мысли перестают сплетаться в причудливые узоры, рисунок их упрощается, скучнеет, камешки, неукротимой лавиной летевшие раньше в ее голове, двигаются все медленнее.

Люди твердят тут одно и то же, одно и то же, одно и то же... «*Benedicite, benedicite...*» И никаких чудес не происходит от их заклинаний.

Тоска. Одинаковые дни, идущие в связке. Живешь, будто четки перебираешь. Говоришь, не повышая голоса, а повысишь – тишина в этом котле, словно стоячая вода, все в ней тонет. Холщовая ряса, темная келья, скудная постель, жалкий огрызок зелени вокруг монастыря, высокие стены каменной ограды, сквозь которые не пролезть наружу.

И Бог на кресте, смотрящий на нее отовсюду.

Чужой Бог.

– *Benedicite, aquae omnes,
quae super caelos sunt, Domino...*

Мерлин забрал Артура. Объявил, что отдаст его на воспитание в чужую семью. Да еще и памяти лишит, чтобы мальчишка забыл о своем королевском происхождении. Пусть, мол, растет, не зная, кем ему повезло родиться.

– Зачем? – поразился Утер, старавшийся держаться безразлично, но кулаки сжимал с такой силой, что ладони потом кровоточили от впившихся ногтей.

– Чтобы взрастить, пока не поздно, в чувствительной душе скромность и сочувствие к непривилегированным слоям населения, – ответил колдун непонятно, пока Артур вертелся у него под ногами, весело дергая за полы чудных одежд. – Иначе юный Пендрагон превратится в такого же высокомерного, лишённого эмпатии, задубелого засранца, как и ты, мой дорогой нецивилизованный друг.

Королева Игрейна зарыдала, губы и руки ее затряслись.

– Не забирай его от меня! – молила она.

Но колдун был непреклонен.

Артур, почувствовав горе матери, кинулся к ней в объятия, которые она согласилась разжать только после долгих уговоров, вряд ли слыша и понимая половину слов, обрушенных на нее волшебником.

В конце концов действовало то, что сказал Утер.

– Я обещал Мерлину, – проскрипел он, белый от ярости и расстройства, забирая у плачущей королевы сына и передавая его волшебнику на вытянутых руках, точно куль с мукой. – Обещал еще до рождения мальчика, будь оно все проклято!

Моргана тихонечко стояла в сторонке, пытаясь понять, расстроена она или рада. Вроде, рада, ведь мечтала избавиться от брата. А вроде и нет, ведь Артур славный малыш, и ей обязательно его ненавидеть. Она могла бы играть с ним, умиляться его полуденным улыбкам, расти

с ним вместе, приглядывая, чтобы никто его не обижал. А он бы слушался ее во всем, и со временем, когда он наденет корону, любимая сестрица стала бы его доверенным советчиком, он бы шагу не мог без нее ступить, и она бы распорядилась всем королевством. Но Артура забирают, и этому уже не бывать. Грустно.

Но как тихо ни стояла она под лиловым плащом сумерек, мечась между радостью и печалью, Мерлин ее заметил.

Сначала скользнул таким взглядом, будто она была на одном берегу широкой реки, а волшебник – на другом. Затем взгляд переменялся, заострился, похолодел. Река вздыбилась льдом.

– Отправьте девочку подальше отсюда, – произнес он тоном таким жестким и приказным, какого Моргана от него и не слышала. – Отдайте ее на воспитание к христианам.

Королева в ужасе застонала:

– О, черное сердце! Он хочет лишить меня обоих детей.

Волшебник все еще смотрел на Моргану с мрачной задумчивостью и что-то бормотал себе под нос. Девочка неуютно поехала. В чем он ее винит? Зачем хочет отослать?

– Я никуда не поеду! – Она топнула ногой. – Не хочу к христианам! Слышишь меня, злой колдун?

Мерлин не ответил, обернулся к тяжело молчащему королю и надрывно всхлипывающей королеве, многозначительно произнес:

– Поверьте мне, мой лорд и моя госпожа. И поступите так, как я вам советую.

И Моргана почуяла в его словах, помимо значительности и обычной силы убеждения, что-то еще, густое, вязкое, жаркое, липкое... Мерлин залил свой голос королю с королевой в уши, словно кипящую смолу. Залепил им своею волей рты.

Артур отправился к чужим людям, Моргана – в чужую страну.

– *Benedictus es in firmamento caeli
et laudabilis et gloriosus in saecula...*

«Я научусь твоему мастерству, колдун, – клянется Моргана, истирающая колени на холодном церковном полу под строгим взглядом чужого Бога. – Я научусь. И тогда залюю смолу тебя».

– Amen.

«Почки гилеадские носят с собою для утешения сердца после утраты любви... А боярышника никогда не тронь, оставь расти. Уничтожение его сулит потери денег, смерти детей и скота».

«Ягоды голубца болотного приносят удачу на охоте и стерегут от хищного зверя в лесу», – читает Моргана в старом-старом, дряхлом-предряхлом, рассыпающемся в пальцах свитке и запирает слова в шкатулку памяти.

Стены монастыря высоки, чтобы мышки-монашки через них не перелезли. Но у привратника маслянистый взгляд, оставляющий на коже липкие следы. И Моргана это видит.

«Для возбуждения мужской страсти истолки корня любистока две части, мандрагоры три части, семени Сезама одну часть, а также тысячелистника», – советует ей свиток.

Нужные книги достать непросто, и стоят они очень дорого.

«Бессмертника, татарника, загульника, златырника бери, по дороге обратно ни с кем не говори...»

– Что было твое, станет мое. Твой кошелек ко мне перейдет, твоя казна за мной пойдет, катится в мой карман серебро, катится золото, была бедна, стала богата.

Не все заклинания срабатывают, много пустых развелось, в которых лишь слова звенят, не монеты.

«Заплети на вервии девять узлов, сидя на перекрестке трех дорог...»

Так-то лучше.

Моргана заплетает узлы и собирает чужие монеты, все больше и больше. Деньги и книги приходится прятать в келье, но в монастыре трудно укрыться от соглядатаев.

«Возьми собранные во второй четверти луны от полудня до заката аронии цветки, высуши и завари в четырех водах, после чего разлей, крутись посолонь, в местах, где потребен тебе оберег. Делая это, повторяй...»

– Если ты, вор, в это место войдешь, ничего не найдешь иль погибель найдешь.

«Заклинания призыва духов Защиты произноси, обернувшись лицом на восток в час появления солнца. И гвир ин эрбин и бид...»

– Матушка-настоятельница, а я вам говорю, что она бежит куда-то на рассвете, еще до заутренней! Эта девчонка ведьма. Брось ее в огонь, она не сгорит. Брось ее в воду, она не потонет!

– Сестра Лионесса, она дочка заморского короля. Мы не можем ее жечь или топить, за ее пребывание в наших стенах щедро платят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.